

Галина Петкова

ЖЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В БОЛГАРИИ¹

В электронном издании “Женская поэзия русской эмиграции в Болгарии” (<http://liternet.bg/ebook/zhenska/content.htm>, 10.06.2010) собраны произведения нескольких поэтесс русской эмиграции первой волны, принадлежащих к различным литературным поколениям и связавших свою творческую или личную судьбу с Болгарией.

Любовь Столица, Татьяна Тиханова и М. Невзорова жили в Болгарии и участвовали в эмигрантской культурной жизни нашей страны. Ксения Кернен и Ирина Кнорринг печатали свои тексты в литературных сборниках, которые считались общеэмигрантскими проектами и осуществлялись в Болгарии скорее технически. Наряду с этими известными и неизвестными писательницами в эмигрантских изданиях Болгарии, в том числе и в периодике, в начале 1920-х гг. публиковались произведения А. Ахматовой, З. Гиппиус, М. Цветаевой, впоследствии многократно переиздававшиеся и в наши дни хорошо знакомые читателям. Во второй половине 1920-х и в начале 1930-х гг. появились стихотворные сборники двух никому не известных поэтесс – М. Кожемякиной и В. Калугиной; эти издания отсутствуют в фондах библиотек и встречаются лишь в библиографических справочниках и каталогах.

Книга “Женская поэзия русской эмиграции в Болгарии” является частью издательской инициативы, направленной на социализацию текстов русской эмиграции в Болгарии, с тем, чтобы этот массив стал максимально доступным для читателей и исследователей. По-моему, это хорошая возможность преодолеть накопительское любопытство эмигрантологии, для которой хранение культурной памяти зачастую сводится к комплектованию музейных фондов.

Литература русской эмиграции первой волны в целом опирается на национальную идею и поддерживает ее. Более того, она превращается в ту “портативную родину” (Г. Гейне), в тот фермент, который объединяет разные бытийные сценарии, эстетики и дискурсы. В связи с этим, представленные поэтессы принадлежат к литературе, которая идентифицируется как “изгнанническая”, и к авторскому кругу, который на языке исследовательских клише называется “женским поэтическим”.

¹ Работата над текста и неговата публикация са осъществени с подкрепата на фонд “Научни изследвания” на СУ “Св. Климент Охридски”.

Обе “идентификации” в начале 1920-х гг. в той или иной степени являются маргинализирующими.

Традиционно считается, что эмигрантская литература в Болгарии вряд ли сможет заинтриговать авторами и произведениями, значимыми для развития русской литературы XX века в целом. Но, согласившись с этим выводом, мы замкнемся в непреодолимых оппозициях (эмигрантский центр – периферия, эмигрантская столица – провинция и т.д.), игнорируя множественность различных эмигрантских литературных практик. Маргинальные, неизвестные, второстепенные авторы в Болгарии раскрывают свою креативность, “изобретая” эмигрантскую культурную и литературную жизнь в нашей стране. Стремление хрониковать ее и гендерные обязательства, вероятно, достаточны, чтобы концептуализировать “женскую поэзию русской эмиграции в Болгарии”. Однако сомнения в обобщениях удостоверяют нас в том, что у этой поэзии различные и конкретные лица.

“Болгарская” публикация Ирины Кнорринг представляет собой восемь стихотворений 1923–1924 гг., напечатанных в четвертом номере литературного сборника “Эос” за 1926 г. Это издание, целью которого было сохранение родного языка в чужом культурном пространстве, осуществлялось русскими воспитанниками Американского колледжа в городе Самокове. Из всех имен участников сборника впоследствии известным станет имя Ирины Кнорринг. Указанные даты и места создания текстов предлагают инструктивную сеть, сквозь которую просвечивает тема будней русской эмиграции в Тунисе, звучащая достаточно приглушенно на фоне политизированного послереволюционного контекста.

Изгнание присутствует в стихах Кнорринг весьма конкретно, однако оно не давит, не парализует предопределенностью экзистенциального выбора, а скорее является “декорацией” личной истории. Пейзаж чужой земли, пустыня и море, портовая ежедневность, пароходный быт в беженском лагере в Сфаяте не имеют ничего общего с ожидаемой высокой эмигрантской литературной риторикой. Будучи далекими от какой-либо автомифологизации, стихи Кнорринг предлагают интимный дневник, микроскопизирующий жизнь молодой женщины-поэтессы, в котором мирно уживаются наивность выражения, литературное клише, традиция домашней литературы, открытое подражание и цитирование. Изгнание не может преодолеть ее желание творческого самовыражения, желание писать стихи и быть собой.

О другой участнице упомянутого литературного издания – Ксении Кернен – мне не удалось найти никаких данных. В “Эосе” ею опубликовано несколько стихотворений и повесть “В Америке”. Судя по датиров-

кам и указанному месту создания текстов, Кернен, как и Кнорринг, просто печатает свои произведения в этом эмигрантском сборнике, не имея прямого отношения к литературной жизни русской эмиграции в Болгарии. Вероятно, речь идет о молодой женщине, умело владеющей поэтическим словом и связанной с Петербургом и петербургской поэзией.

Бесспорно, самой известной среди представленных в настоящей книге поэтесс является Любовь Столица, которая эмигрировала в Болгарию в 1921 г. После Ялты, Ростова-на-Дону и Солуна она вместе с семьей поселилась в Софии и жила здесь до конца своих дней, до 1934 г. В книге перепечатан “Биографический очерк”, подписанный псевдонимом “Эр”, под которым скрывается Роман Столица – супруг поэтессы. В очерке подробно прослеживается творческий путь писательницы и рассказывается о последних годах ее жизни. Любовь Столица активно участвовала в культурной жизни русской эмиграции в Болгарии. Она являлась членом совета Общества русских литераторов и журналистов в Болгарии, основанного 1 ноября 1921 г. В среде болгарских критиков ее “словесный артистизм” и борьба за “духовное освобождение женщины” [Дзивгов 1922: 10] заслужили уважение. Осенью 1921 г. в Софии Любовь Столица вместе с другими писателями-эмигрантами принимала участие в литературном диспуте на тему “Суд над женщиной (Женщина сегодняшнего дня)”, на котором она выступала от имени “обвиняемой”. Женская проблема была в центре ее публичных лекций, прочитанных в разных городах во время ее поездок по стране. Л. Столица участвовала также в различных собраниях, вечерах, чтениях, организованных русской эмигрантской колонией в Болгарии.

Лирические произведения, которые Любовь Столица создала в Болгарии, частично печатались в местных эмигрантских изданиях, таких, как “Балканский журнал” и журнал “Изгнанник”. Посмертный поэтический сборник поэтессы – “Голос Незримого”, куда вошли две большие поэмы “Голос Незримого (Беженская эпопея)” и “Лазорь Чудный (Сказ о рае)”, был издан в 1934 г. ее близкими, с которыми она успела обсудить формат книги и замысел обложки, исполненной русским художником Е. П. Ващенко. Издатели надеялись, что в результате продаж будут собраны средства на издание книги лирики, написанной в эмиграции и оставшейся неопубликованной. Это намерение, однако, как и их желание создать фонд для издания произведений Л. Столицы, осталось неосуществленным.

С именем Л. Столицы болгарская литературная критика 1920-х гг. связывала “тихий образ” ее “младшей сестры” по поэтическому ремеслу М. Невзоровой (М. Мерцаловой), которая двигалась по творческому

пути “уверенными шагами” [Дзивгов 1922: 10]. О поэтессах говорили как о “двух дорогих женских фигурах”, “страдающих своей скорбью и создающих свои песни в Болгарии” [Дзивгов 1922: 10]. Мне не удалось разыскать никаких данных о М. Невзоровой и ее жизни в Болгарии. Вероятно, речь идет о молодой писательнице, которой в начале творческого пути покровительствует Л. Столица. Эта поэтесса известна в кругах “Балканского журнала”, где в 1922 г. печатаются ее стихи. Биограф Л. Столицы в своих воспоминаниях говорит о том, что она относилась с трогательным сочувствием к начинающим поэтам и с готовностью помогала им.

Стихотворения Татьяны Тихановой напечатаны в поэтической антологии “Песни изгнанья” (София, 1921) и в журнале “Изгнанник” (1922). Вся информация о ней исчерпывается краткими сведениями, которые можно найти в антологии. Согласно этой справке, она родилась в 1903 г. в Новочеркасске. Впервые печаталась в 1919 г. в “Журнале для женщин” в Ростове. Тиханова жила в Болгарии в начале 1920-х гг., ее поэтические тексты писались в Варне и Софии в 1920–1921 гг. Только одно из стихотворений – “Желанья” – написано в Екатеринодаре в 1919 г. и, очевидно, оно является “программным”, так как открывает подборку в антологии.

В стихах Тихановой – интимных, дневниковых – читателю предстает душевная жизнь женщины – одновременно смелой и боязливой, ищущей, раненной разлукой. Это голос русской женщины, живущей в эмиграции, а не только тексты, напечатанные вне России, однако подобное творчество не укладывается в политизированный послереволюционный контекст, оно слабо увязывается со значимой структурой борьбы против большевизма и не тематизирует, а тем более не интимизирует изгнание как экзистенциальный выбор. Бутафорское бытие, о котором мечтает героиня Тихановой, подрывает высокое прочтение женских образов – матери, сестры, любимой. Банальность, искусство позы и аффекты – это искомый язык, им выговаривается частный женский опыт, подпитанный модернистским дискурсом и смоделированный не идеологиями, а индивидуальными желаниями.

В качестве эпиграфа к изданию я поставила строку из сонета Ирины Кноррина: “Я не умею говорить слова...”. За наивным признанием в “неумении говорить слова”, за образами хрупкости и беспомощности я усмотрела притворство и умелое соблазнение читателя... Неумение говорить словами канона эмигрантской элиты дает поэтическую свободу, в основе которой лежит желание выразить себя – будь то тематизация изгнания, политического контекста, определенной идеологии или мол-

чание о них, будь то использование клише женской поэзии или модернизма, будь то эксперимент с масками героинь, их самоуглублениями и самооплакиваниями, часто создаваемые на грани между высокой трагедией и рафинированной иронией.

Наряду с метаморфозами канона и обоснованием собственного литературного присутствия, поэтессам, представленным в этой книге, часто приходилось выбирать решения, оспаривающие общепринятые роли эмигрантских писательниц. Их “неумение говорить слова” я связываю с неумением слов “называть” прожитое и пережитое, с невозможностью свести женское бытие к дискурсу, с желанием – всегда трансформирующим и трансгрессивным – каждой из них “наладить” свою личную женскую судьбу.

ЛИТЕРАТУРА

Дзивгов 1922 – *Дзивгов А.* Руски писатели в България // Балканский журнал. С., 1922, № 5 (Октябрь).